

УДК 930.26

Е.А.Рыбина

МИР ВЕЩЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАХОДКАМ)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

There is a review of the material culture of townspeople of ancient Russia, based on the data, which were received during the excavations in Novgorod, which had been lasted for many years. The source study possibilities, given by the richest collection of things, collected within the years of excavations and the importance of this collection for studying of different kinds of problems (from the political history of Novgorod republic to the inner world of a medieval novgorodian) are analyzed from all the sides. The greatest attention is paid to the brightest categories of the archeological findings.

В отличие от Западной Европы, где сведения о быте, материальной культуре средневекового города, повседневных занятиях его жителей можно почерпнуть из разнообразных средневековых же письменных и изобразительных источников, история Древней Руси крайне бедна аналогичными свидетельствами. В связи с этим большое значение в изучении средневекового быта Руси приобретают археологические находки.

Коллекция предметов, собранная за годы раскопок в Новгороде (1932 — 2002 гг.), насчитывает в общей сложности более 150 тысяч различных изделий из всех известных в Древней Руси материалов: железа, цветных и драгоценных металлов, кости, камня, глины, стекла, янтаря, кожи, дерева, бересты. В составе коллекции представлены предметы, характеризующие все сферы жизни и деятельности новгородцев.

Многие категории предметов бытового назначения (ножи, замки, ключи, кресала, разнообразная посуда, предметы домашнего обихода, гребни и др.), ремесленный и бытовой инструментарий, украшения (бусы и браслеты из стекла, перстни, браслеты, разнообразные привески из цветных металлов), некото-

рые предметы вооружения (стрелы), детали кожаной обуви исчисляются сотнями, а в некоторых случаях и тысячами экземпляров. Категории находок, характеризующие административное управление (печати), письменность (за исключением берестяных грамот), языческие и христианские культы, досуг и детские игры, интерьер и внешнее убранство дома, большинство предметов вооружения, снаряжения коня и всадника насчитывают каждая десятки экземпляров. И лишь отдельные предметы, в числе которых образцы прикладного искусства, иконки, некоторые изделия импортного происхождения встречаются единицами.

Массовый характер подавляющего большинства предметов в сочетании с четкой датировкой, характерной для новгородской археологии, делает информационный потенциал коллекции необычайно разнообразным и практически неисчерпаемым. Отмечу наиболее существенные возможности новгородской коллекции.

1. Прежде всего благодаря указанным факторам становится возможным создание истории вещей, их хронологической и морфологической эволюции, выявление характерных для того или иного времени

предметов, которые, в свою очередь, будучи строго классифицированными и четко датированными, становятся датирующими при аморфности культурного слоя и отсутствии надежной стратиграфии. Это обстоятельство имеет первостепенное значение для всех исследователей древнерусской городской археологии. Типология вещей и их хронология, разработанные в Новгороде, становятся эталоном при изучении городских центров Древней Руси.

2. Применение различных естественнонаучных и технических методов исследования (металлографический, структурный и спектральный, петрографический и другие анализы) познакомили с технологией производства, уровнем технического развития ремесел, с приемами и методами новгородских мастеров — ювелиров и кузнецов, резчиков по дереву, кости и камню, сапожников и ткачей, гончаров и плотников. Кроме того при изучении технологии ремесленного производства был установлен переход от более сложных приемов и способов в X—XII вв. к более простым в XIII—XV вв. Это повлекло за собой вывод об увеличении спроса на ремесленные изделия, расширении рынка их сбыта.

3. Археологические находки стали незаменимым источником в изучении всех сторон жизни средневекового Новгорода: его административной структуры, быта и культуры, торговых связей и ремесел, земледелия и промыслов (охоты, рыболовства, бортничества), военных занятий, досуга и искусства, грамотности.

4. Комплексное изучение всех открытых при раскопках древностей — разного рода сооружений (жилых, хозяйственных, производственных), берестяных грамот, находок — впервые сделало возможным полноценное исследование городских усадеб X—XV вв., определение социального статуса их владельцев и жителей. Все это приводит к важным историческим наблюдениям о характере новгородской государственности, экономического состояния и культурного развития города.

5. Наконец, источниковедческий анализ предметов, определение их функционального назначения, изучение формы и орнаментики, способов изготовления позволяет прикоснуться к наиболее деликатной и почти недоступной для современного исследователя человеческой сфере — внутреннему миру средневекового новгородца, постичь его помыслы и характер.

Я отметила в тезисной форме лишь самые общие потенциальные возможности археологической вещевой коллекции в изучении истории Новгорода. Вместе с тем считаю необходимым подчеркнуть следующее обстоятельство. При анализе археологических находок, обнаруживаемых в ходе городских раскопок, в том числе и в Новгороде, следует учитывать, что в руки археологов попадает случайный набор вещей, оказавшихся сломанными и выброшенными, пострадавшими во время пожара или утерянными в древности. Поэтому выводы о бытовании того или иного предмета или какой-либо категории предметов могут быть сделаны только на основе комплексного изучения разных источников. Отсутствие некоторых изделий или их малое количество в соб-

рванной коллекции еще не свидетельствует об истинной степени их распространения и бытования.

Например, давно замечено, что находки изделий из драгоценных металлов (золота, серебра), монет, индивидуальных предметов восточного и западноевропейского происхождения являются чрезвычайно редкими при раскопках Новгорода, этого богатейшего средневекового города. В отличие от других древнерусских городов, подвергавшихся вражеским нашествиям, Новгород до XVII в. ни разу не был захвачен вражескими войсками. В связи с этим здесь не обнаружено ни одного вещевогоклада с драгоценностями. Поэтому в новгородской коллекции нет тех великолепных украшений, которые известны покладам из Киева и Старой Рязани. Но это не значит, что их не было. Совершенно очевидно, что в Новгороде, как и везде во все времена, золотые и серебряные украшения и предметы, монеты и дорогие заморские вещи высоко ценились и тщательно хранились их владельцами.

Другое наблюдение над новгородской коллекцией состоит в том, что среди тысяч разнообразных находок наряду с хорошо изученными, надежно атрибутированными и классифицированными предметами существует значительное число находок, именуемых «поделками», «предметами», «изделиями» из-за невозможности верно определить их назначение. В числе таких находок не только обломки предметов, но и целые изделия, кроме того имеются находки, атрибутированные условно (многочисленные наперстки, накладки, проколки и др.).

Основная часть коллекции находок из раскопок Новгорода четко классифицирована по категориям. Разработана типология и хронология бытовых предметов, ремесленных инструментов, женских украшений, музыкальных инструментов, предметов вооружения, материалов импорта, средств передвижения и других категорий находок [1]. Вместе с тем многие категории находок еще не стали предметом специального исследования. Но работа по атрибуции и классификации новгородских находок продолжается. Не имея возможности рассказать о всех категориях находок, предлагаю читателям лишь отдельные сюжеты из истории вещей и их значения для истории средневекового Новгорода в целом, а также рассказ о самых ярких, уникальных и порой сенсационных находках последних лет.

Для истории новгородских *политических институтов власти* и их взаимодействия между собой большое значение имеют находки свинцовых печатей, которые привешивались к различным официальным документам и государственным актам. В их составе печати князей, посадников, тысяцких, тиунов, архиереев и их наместников, общегородские печати и печати самоуправляющихся концов. Все они несут на себе изображения, символизирующие тот или иной институт власти или содержат надписи.

Сенсационной стала находка в 1995 г. печати Ярослава Мудрого, обнаруженная в слое первой трети XI в. на одной из усадеб Людина конца. До сих пор печатей этого, пожалуй, самого известного древнерусского князя, не было известно. Кроме того до на-

стоящего времени существовало только две княжеских печати раннего периода (конца X — первой половины XI вв.). На одной стороне найденной печати находится погрудное изображение св. Георгия (небесного покровителя князя), аналогичное изображениям на серебряных монетах Ярослава. Несомненно, оно выполнено рукой опытного мастера, вероятно того же самого, который резал штемпели для княжеских монет. На другой стороне помещено погрудное изображение воина в островерхом шлеме, с длинными торчащими усами, в княжеской одежде, скрепленной на плече фибулой. По сторонам изображения находится хотя и недостаточно четкая, но надежно читаемая надпись «Ярослав» (слева) и «князь русский» (справа). По существу это изображение является портретом Ярослава в пору его расцвета [2].

Исключительно важна для понимания *административно-налоговой системы* Новгорода находка так называемых деревянных «цилиндров», которых насчитывается уже более 50 экземпляров. Эти предметы, находимые в разные годы на богатых новгородских усадьбах в слоях X — XII вв., долгое время не были атрибутированы. Только постепенное накопление материала и внезапная догадка В.Л.Янина, проверенная на сделанных копиях найденных «цилиндров», привели к решению многолетней загадки. Оказалось, что такие предметы являются особого рода пломбами для запечатывания дани, которую представители князя и новгородского боярства собирали в северных новгородских владениях. На пломбах имеются княжеские знаки, зарубки, а чаще всего надписи, фиксирующие суммы даней и их распределение между государством, церковью и самими сборщиками даней [3].

В археологической коллекции Новгорода представлены почти все виды *средневекового оружия и снаряжения коня и всадника* [4]. К первой категории относятся многочисленные и разнообразные по типам железные стрелы, копья, боевые топоры, булавы, кистени, кинжалы, луки и их детали. К сожалению, при раскопках города ни разу не был найден целый боевой меч, но несколько раз встречались его детали: перекрестья, наконечники, обломки лезвия. Однако о распространении в Новгороде этого вида вооружения, типах мечей и их хронологических рамках можно судить по многочисленным находкам игрушечных мечей (см. об игрушках ниже). Обнаружены при раскопках и фрагменты защитного снаряжения воина в виде деталей кольчуг и пластинчатых доспехов. Такие доспехи до раскопок в Новгороде не были известны исследователям древнерусского вооружения.

Что касается снаряжения коня и всадника, то оно полностью реконструируется по новгородским находкам. Найдены почти все атрибуты такого снаряжения: удила и псалии, стремяна и шпоры, фрагменты седел и конской упряжи, скребницы, плетки и подковы. Редчайшей является находка части деревянного седла с многочисленными резными костяными накладками, на которых кроме орнамента изображены звери и символические фигуры.

Значительную часть новгородской коллекции составляют различные *изделия из кожи* [5], среди которых разнообразная обувь, ножны и разного рода

футляры, кошельки, рукавицы, ремни и пояса, маски и различные аппликации. Судя по находкам, «культура футляров» была широко распространена в Новгороде в XIII — XIV вв. Именно к этому времени относится большая часть многочисленных ножен (футляров для ножей). Кроме того в это время существовали футляры для топоров, ложек, писал, проколов, ножиц и других предметов. Изредка обнаруживаются полные комплекты, когда предмет найден непосредственно в предназначенном для него футляре.

За годы раскопок в Новгороде собрана огромная коллекция кожаной обуви, в составе которой имеются многочисленные образцы мужской, женской и детской обуви разных размеров. По материалам раскопок установлено, что жители Новгорода во все времена его независимости, т.е. до присоединения к Московскому государству в 1478 г., носили только кожаную обувь. Лапти из лыка или бересты ни разу не были обнаружены в слоях X — XV вв., при том, что и лыко и береста хорошо сохраняются в культурном слое Новгорода. Новгородская коллекция обуви благодаря ее массовости и разнообразию представленная в ней типов дает возможность детальнейшим образом изучить технологию изготовления того или иного вида обуви, определить время бытования ее разновидностей, т.е. определить «модную» для разных исторических периодов обувь, а также познакомиться с работой мастеров-сапожников. На разных раскопках были открыты сапожные мастерские по изготовлению и ремонту обуви, о чем свидетельствуют многочисленные образцы готовой продукции, огромное количество обрезков кожи (тысячи фрагментов), остатки кроя, деревянные сапожные колодки.

Богат и разнообразен мир *женских украшений*, представленный в новгородской коллекции изделиями из цветных металлов, стекла, янтаря, поделочных камней (хрустала, сердолика и др.). Дорогие ювелирные украшения из драгоценных металлов (золота и серебра) встречаются при раскопках чрезвычайно редко (всего несколько изделий за все десятилетия раскопок), поскольку их бережно хранили и старались не терять.

Женские украшения во все времена были более всего подвержены моде и постоянно менялись, поэтому многие типы украшений обладают датирующими признаками. Кроме того некоторые типы украшений присущи только определенной этнической группе населения. В связи с этим женские украшения являются во многих случаях хронологическим и этническим индикатором изучаемого комплекса.

Излюбленным украшением древнерусских горожанок, в том числе и новгородских, были стеклянные браслеты, которых в Новгороде найдено более 10 тыс. обломков. По форме браслеты делятся на гладкие, крученые, витые и ребристые, среди которых преобладают два первых типа. Цветовая гамма новгородских браслетов составляет спектр от светло-желтого до темно-коричневого с преобладанием зеленого, бирюзового, желтого и всех оттенков коричневого цветов. Нередко прозрачные стеклянные браслеты дополнительно украшались перевитой яркой (желтой или красной) нитью, что создавало неповторимый цветовой эффект. Мода на стеклянные браслеты, которые поя-

вились в Новгороде в 30-е годы XII в., достигла пика в 30-70-е годы XIII в., в то время как в других древнерусских городах стеклянные браслеты к указанному времени почти исчезают из употребления [6].

Другой массовой категорией украшений из стекла были бусы, общее число которых составляет несколько тысяч экземпляров. Примечательно, что максимальное количество стеклянных бус в Новгороде приходится на X в. и начало XI в., в слоях которых собрана в общей сложности треть всех найденных при раскопках бус. Среди них бусы с разнообразной инкрустацией, глазчатые, с золотой и серебряной прокладкой, бусы разнообразные по форме, цвету, размерам. Для этого времени характерны привозные бусы киевского, ближневосточного и западноевропейского производства. В XII в. в Новгороде начинается изготовление местных бус, однако мода на бусы вскоре проходит и в XIII — XIV вв. они встречаются единицами [7].

Обнаружены и иные украшения из стекла: перстни, вставки для перстней, число которых достигает нескольких десятков экземпляров. Изредка встречаются стеклянные подвески в виде лунниц [8].

Янтарные украшения представлены в основном бусами (сотни экземпляров), перстнями (десятки) и единичными подвесками, среди которых недавно обнаружена привеска-лунница [9].

В число украшений и деталей костюма из цветных металлов входят разнообразные браслеты, перстни, бусы, височные кольца, колты, различные привески, булавки, фибулы и другие изделия [10]. Среди ювелирных украшений выделяются славянские, балтские, карельские и угро-финские. При датировании этноопределяющих изделий было установлено, что для разных хронологических периодов характерны те или иные типы украшений. Это позволило исследователям выделить три периода в существовании этноопределяющих украшений: I период — X — XI вв., II период — XII в., III период — XIII — XIV вв. При этом выяснилось, что в первый период преобладают предметы с характерными этническими признаками того населения, которое участвовало в заселении Новгородской земли и в формировании населения самого Новгорода. В его состав входили представители славянских племен: кривичей и новгородских словен, этническим украшением последних были ромбоэлитковые височные кольца, а также балтов, характерным украшением которых были булавки с треугольной и крестовидной головкой, фибулы со спиральными концами и некоторые типы зооморфных привесок. Характерным общеславянским украшением были привески-лунницы.

В XII в. исчезают славянские украшения, характерные для кривичей. В это время появляются карельские вещи, свидетельствующие об освоении новгородцами новых земель. Типично карельскими являются скорлупообразные фибулы, подражающие скандинавским, пластинчатые фибулы, привески-игольники. В этот период происходит сглаживание этнических признаков, и начинают складываться общегородские типы украшений. Интересна в этой связи трансформация булавок, этого типичного украше-

ния балтов и западных финнов. Появившись в Новгороде с носителями этих племен в X — XII вв., украшение приобрело здесь местные формы, нигде кроме Новгорода неизвестные, и получило широкое распространение в XIII в. Речь идет о группе булавок с изображениями драконов и их стилизациями, существовали и другие разновидности булавок.

Некоторые типы украшений, например тройные витые браслеты, типичные украшения кривичей, бытовали в течение всех трех периодов. Очевидно, в первый период они отражали реальный этнический состав новгородского населения, а в дальнейшем превратились в общегородские украшения.

Для XIII — XIV вв. характерно заметное возращение этноопределяющих украшений за счет финно-угорской группы. В этот период обнаруживается особенно много разнообразных зооморфных шумящих привесок, характерных для финно-угров. Среди них плоские и полые одно- и двухголовые коньки и птицы с подвешенными к ним бубенчиками. Финно-угорские украшения этого периода свидетельствуют уже в большей степени не о составе населения Новгорода, а о его контактах с местным населением новгородских земель, занятых финно-угорскими племенами. XIII — XIV столетия — время расширения и укрепления боярских владений на территории, населенной преимущественно финно-уграми. Топография находок этого периода указывает на связь усадеб с разными регионами Новгородской земли, что подтверждается и бережними грамотами [11].

За годы археологического исследования Новгорода собрана значительная коллекция предметов, характеризующих *досуг взрослых и детские игрушки* в средневековом Новгороде, которые стали известны только благодаря раскопкам. Все собранные к настоящему времени материалы по этой теме можно разделить на три группы: настольные игры для взрослых, детские игрушки и атрибуты универсальных игр, в которые могли играть и взрослые, и дети.

Первая группа представлена разными играми, среди которых наибольшее распространение получили, судя по находкам, шахматы. До археологических находок почти ничего не было известно о распространении шахматной игры в Древней Руси. Из Новгорода происходит самая большая коллекция шахматных фигур (более 130 экземпляров), содержащих полный шахматный набор: фигуры короля, ферзя, коня, слона, ладьи, пешки. Большая часть новгородских шахмат сделана из дерева и лишь отдельные экземпляры — из кости.

В качестве настольных бытовали игры «в мельницу» и в кость, пришедшие, очевидно, из Западной Европы. Найдено несколько досок с полем, расчерченным для игры «в мельницу», и фишки для игры в кость. Атрибуты обеих игр обнаруживаются чаще всего в слоях XIII — XIV вв. на усадьбах, тесно связанных с западноевропейской торговлей.

Среди детских игрушек выделяются изобразительные, повторяющие образы животных и людей, детское оружие (мечи, кинжалы, луки, стрелы), бытовые (лодочки из коры и дерева, подражания некоторым инструментам), звуковые (погремушки из глины

и бересты). Мир детских игр во все времена имитирует мир взрослых, дети играют в то, что окружает их в реальном мире: мальчики играют в войну и путешествия, девочки, подражая матерям, в дочки-матери. Для изобразительных игрушек характерно прежде всего стилизованное изображение коня в различных вариантах: конь, стоящий на колесиках, с седлом или без него, в виде палки, завершающейся головой коня. Найдены игрушки, изображающие птиц, кукол, а также фигурки собаки, тюленя, бобра, которые расцениваются исследователями как игрушки.

Особый интерес представляют игрушки, воспроизводящие вооружение новгородского воина: мечи, кинжалы, луки, стрелы, сделанные из дерева. Детское оружие воспроизводит форму настоящего, и поэтому может быть привлечено для изучения новгородского вооружения. Особенно важны в этом отношении находки детских деревянных мечей, поскольку боевые мечи, будучи дорогим, ценным и особенно хранимым оружием, в новгородских раскопках не встречаются.

Состязательные (подвижные) игры относятся к числу универсальных, так как в них могли играть и взрослые, и дети. Принадлежностью таких игр были деревянные шары, кожаные мячи, деревянные волчки-кубари, костяные бабки (кости животных), находки которых постоянны в культурном слое Новгорода. Деревянные шары и кожаные мячи, которых найдено в общей сложности более 500 экземпляров, использовались для разных игр, смысл которых заключался в том, чтобы загнать шар или мяч в лунку. Популярной была игра с волчками (700 экземпляров), которые раскручивали с помощью веревки, и выигрывал тот, чей волчок вращался дольше других. К категории универсальных относятся азартные игры в бабки, существовавшие в Новгороде на протяжении всей его истории, свидетельством чего являются постоянные находки игральные кости. Для них использовалась кость домашнего животного, называемая бабкой. В зависимости от игры (вариантов было много) кость заливалась свинцом или в нее забивался гвоздь. По наблюдениям этнографов, состязательные игры с кожаными мячами, волчками, бабками широко бытовали в русской деревне вплоть до XX в., а кое-где сохранились и позже. Это дает возможность по археологическим находкам атрибутов этих игр восстановить характер и правила подвижных состязательных игр в средневековье [12].

Трудно переоценить значение археологического материала для изучения средневекового *декоративного и прикладного искусства* [13]. Если шедевры новгородской архитектуры и живописи давно стали достоянием мирового культурного наследия, то о народном, бытовом искусстве до раскопок практически ничего не было известно. Прекрасное было органическим компонентом быта простого горожанина, что демонстрируют ежегодные археологические находки в Новгороде. За годы раскопок здесь собрана замечательная коллекция великолепных образцов мелкой пластики в виде резных каменных и костяных иконок, металлических иконок и крестиков, ювелирных украшений, резных изделий из кости и дерева. Кроме того, оказалось, что многие предметы утилитарного назначения — детали жилища и саней, ковши и лож-

ки, рукояти ножей, гребни, дощечки для письма по воску, кожаная обувь и многое другое — украшались резьбой, затейливым орнаментом, изображениями фантастических или вполне реальных животных. Совершенство и лаконичность форм изделий, умелое использование разных способов орнаментации, удивительное чувство пропорции свидетельствуют об эстетических принципах новгородцев, о высокоразвитом у них чувстве гармонии, что выразилось в выражении «как мера и красота скажут».

Характерной особенностью новгородской вещевой коллекции наряду с массовостью материала и четким датированием является следующее обстоятельство. Ежегодно кроме количественного роста происходит и качественное изменение коллекции, поскольку она каждый год пополняется новыми, неизвестными прежде предметами. Среди них другие варианты уже знакомых вещей, а также совершенно новые предметы, многие из которых не имеют аналогий в существующем средневековом материале. Атрибуция их чрезвычайно затруднена, и проходят годы прежде, чем та или иная категория «загадочных» находок получит определение и свое функциональное назначение. Так было с группой деревянных «цилиндров», которые только спустя 30 лет после находки первого были атрибутированы как особого рода пломбы. Так было с кожаными «кошельками», которые на самом деле оказались футлярами для гребней. Совсем недавно были обнаружены металлические и деревянные футляры для стеклянных зеркал, которые долгие годы именовались в описях находок как «крышечки». И сейчас в вещевой коллекции имеются различные предметы, в том числе и художественные, функции которых неясны.

Все сказанное свидетельствует о том, что несмотря на огромное количество находок новгородская коллекция — лишь слабое отражение подлинного мира материальной культуры и жизни новгородцев. Вместе с тем огромный информационный потенциал новгородских находок требует безусловного продолжения раскопок в Новгороде, чтобы наши знания о прошлом становились точнее и полнее.

1. См.: Археология Новгорода: Указ. лит. 1917 — 1980 гг. / Сост. П.Г.Гайдуков. М., 1983. 223 с.; Археология Новгорода: Указ. лит. 1981 — 1990 гг. / Сост. П.Г.Гайдуков. М., 1992. 119 с.; Археология Новгорода: Указ. лит. 1993 — 1995 гг. / Сост. П.Г.Гайдуков. М. 1996. 83 с.; Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Тр. Новг. археол. экспедиции. Т.2. М., 1959. С.7-120. (Материалы и исследования по археологии СССР (далее МИА). №65); Он же. Новгородские древности. Резное дерево: Свод археол. источников. Вып.Е1-55. М., 1971. 62 с., 26 ил.; Он же. Новгородские древности. Деревянные изделия: Свод археол. источников. Вып.Е1-55. М., 1968. 183 с., ил.; Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X — XIV вв. М., 1978. 167 с. и др.
2. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.9. Новгород, 1995. С.6-7.
3. Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новг. сб. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

- С.141-148; Он же. У истоков новгородской государственности. В. Новгород, 2001. С.31-65.
4. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Тр. Новг. археол. экспедиции. Т.2. С.121-191.
 5. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Там же. С.199-222.
 6. Полубояринова М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Тр. Новг. археол. экспедиции. Т.3. М., 1963. С.164-199. (МИА. №117).
 7. Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новг. археол. экспедиции. Т.1. М., 1956. С.164-179. (МИА. № 55).
 8. Щапова Ю.Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // Новые методы в археологии. Тр. Новг. археол. экспедиции. Т.3. С.104-163.
 9. Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новг. археол. чтения. Новгород, 1994. С.75-82.
 10. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X — XV вв). М., 1981. 196 с.
 11. Покровская Л.В. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С.28-29.
 12. Морозова Н.А. Игрушки древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.3. Новгород, 1990. С.43-47.
 13. См.: Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969. 128 с., [71] ил.; Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования / Сост. С.В.Ямщиков. М., 1983. 355 с.; Древний Новгород. Прикладное искусство и археология / Сост. Б.А.Колчин, С.В.Ямщиков, В.Л.Янин. М., 1985. 167 с.